

© В.А. ДАВЫДЕНКО, Г.Ф. РОМАШКИНА

vlad.davydenko@gmail.com, gr136@mail.ru

УДК 300.331

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ВОСПРОИЗВОДСТВА СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РЕГИОНА*

АННОТАЦИЯ. Теоретическая проблема исследования и изучения экономических механизмов формирования и воспроизводства социальной структуры региона и их оснований состоит в концептуализации категории социального воспроизводства региона с учетом пространственного и других значимых факторов, сущностно раскрывающих жизнедеятельность населения региона, и показывающих, как происходит сохранение, восстановление, обновление и создание условий его существования и развития. Динамика социального воспроизводства региона воплощает в себе тенденции изменения социальной структуры, как присущие социально-экономической организации общества в целом, так и территориальной ее проекции на уровне конкретной территории. Показана эволюция понятия в советский период и в современной российской и мировой науке [Leo Hurwicz, Roger Myerson, Eric Maskin]. Показаны взаимосвязи категорий хозяйственный механизм, экономический механизм, поведение социальных субъектов, социальная региональная общность. Модель операционализации экономического механизма в привязке к экономической региональной социологии как науки о взаимосвязях экономической и неэкономической сфер общественной жизни, взятых в «региональной проекции», сформирована на основе идей Н. Смелзера. Приводятся результаты мониторингового социологического исследования, проведенного в регионах России: Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа в период с 2006 до 2013 годов (4 волны). Результаты включены в общероссийский контекст. Социологические данные демонстрируют собой в экономических механизмах формирования и воспроизводства социальной структуры региона. Демонстрируется динамика и временной лаг в отражении последствий мирового экономического кризиса на уровень самооценки жителей российского региона.

SUMMARY. The theoretical problem of research and study of economic mechanisms of formation and reproduction of the social structure of the region and their foundations is to conceptualize the category of social reproduction of the region, taking into account the spatial and other relevant factors, essentially revealing the activity of the region's population, and demonstrating how the preservation, restoration, modernization and creation of the conditions for its existence and development go on. The dynamics of social reproduction of the region embodies the trend of changes in the social structure, as inherent in the socio-economic organization of society as a whole, and its territorial projection at the level of a specific territory. The article presents the evolution of the concept in the Soviet era and contemporary Russian and world science [Leo Hurwicz, Roger Myerson, Eric Maskin]. The correlation of the categories of a social mechanism,

* Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (ГК № 14.740.11.1377).

an economic mechanism, the behavior of social actors, social regional community is represented in the article. Operationalization model of the economic mechanism in relation to regional economic sociology as a science of the relationship between economic and non-economic spheres of social life, taken in a "regional projection" is formed on the basis of the ideas of Neil Smelser. The results of the monitoring survey conducted in the regions of Russia, such as Tyumen region, Khanty-Mansi region and Yamal-Nenets autonomous region during the period from 2006 to 2013 (Wave/Level 4) are highlighted in the article. The results are included in the all-Russian context. Sociological data demonstrate the failure of the economic mechanisms of formation and reproduction of the social structure of the region. The authors demonstrate the influence of the dynamics and the time lag in reflecting the effects of the global economic crisis on the level of self-esteem of the residents of a Russian region.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Социальная структура, экономика, регион, воспроизводство.

KEY WORDS. Social structure, economics, a region, reproduction.

Термин «экономический механизм» был введен в научный оборот во второй половине 1960-х гг., что в то время было вызвано потребностью описания социальных и производственных процессов в их взаимодействии. Как отмечают Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина, всплеск интереса к термину «механизм» произошел с начала 1980-х годов, когда в научный оборот стали входить такие категории, как «социальный механизм развития экономики», «механизм социального управления», «механизм стимулирования труда», «механизм демографического развития», «механизм социально-экономического развития региона» и др. [1; 77-78]. Важным признаком в самом термине механизм была возможность получения выигрыша при некоем минимальном усилии, использовании ресурсов для положительного эффекта. На первый план вышла научная проработка понятия «хозяйственный механизм», который представлялся системой взаимосвязанных форм и методов управления общественным производством и его составными частями. Считалось, что хозяйственный механизм выступает, с одной стороны, как специфическая форма проявления производственных отношений (планирование, нормативы, стандарты, цена, прибыль), с другой — используется на практике как определенный метод хозяйствования [1; 48]. Кроме того, считалось, что именно экономически неэффективный затратный механизм хозяйствования и планирования в СССР породил бездумное расхищение национальных ресурсов, безнравственное отношение к природным богатствам, а отсутствие платы за землю и воду привело к таким последствиям, как деградация целых районов страны. Считалось, что именно хозяйственный механизм является тем инструментом, с помощью которого аппарат управляет поведением социальных субъектов [1; 64]. По сути, в формулировке «хозяйственный механизм» таятся те или иные социальные институты развития общества, или социальные институты конкретного общественного устройства. Для повышения эффективности российской экономики в настоящее время необходимы институциональные реформы, которые могли бы реально гарантировать долгосрочные инвестиции, что привело бы к реализации долгосрочных целей бенефициаров — т.е. долгосрочных целей выгодоприобретателей этих реформ. Актуальный сегодня вопрос — это формирование демократических институтов, развитие и реализация инноваций, переход от индустриальной к инновационной экономике [2; 8].

В экономической литературе под хозяйственным механизмом обычно понимается «совокупность процессов, организационных структур, конкретных форм и методов управления, а также правовых норм, с помощью которых реализуются действующие в конкретных условиях экономические законы, процесс воспроизводства» [3]. Некоторые авторы употребляют термин хозяйственный механизм в том случае, когда некое исходное экономическое явление влечет за собой ряд других явлений, и поэтому для их возникновения не требуется дополнительных импульсов. В отличие от термина «хозяйственный механизм» часто используется термин «экономический механизм». Классическое понимание этого термина дал Л.И. Абалкин, когда раскрывал содержание понятия «хозяйственный механизм социалистического общества». Объем понятия «экономический механизм» получился с достаточно сложной смысловой структурой, именно: (1) формы организации общественного производства; (2) формы хозяйственных связей, благодаря которым осуществляется своеобразный «обмен веществ» в экономике; (3) структура, формы и методы планирования и хозяйственного руководства; (4) совокупность экономических рычагов и стимулов влияния на производство и участников хозяйственной деятельности [4]. Такое понимание экономического механизма является размытым. Если в административно-плановой системе «экономическому механизму» отводились исполнительские хозяйственные функции, то в рыночной системе экономический механизм рассматривается как сочетающий саморегулирование деятельности хозяйствующих субъектов (рынок) с регулирующими функциями государства.

Нобелевская премия по экономике за 2007 г. вручена Лео (Леониду) Гурвицу (Leo Hurwicz), Роджеру Майерсону (Roger Myerson) и Эрику Маскину (Eric Maskin) за «основополагающий вклад в теорию экономических механизмов» [5; 4-26.]. Согласно их представлениям, самое общее определение, которое можно применить к любому взаимодействию между экономическими субъектами, рассматривает его (такое взаимодействие) как стратегическую игру; а форму игры называют экономическим механизмом. Составной частью механизма, как правило, являются инструменты - ресурсы, не расходуемые в экономическом процессе, но поддерживающие его, которые также должны найти свое отражение в его структуре. Возникают естественные вопросы: что же такое экономический механизм — процесс или ресурс? И как соотносятся между собой такие экономические понятия как механизм и процесс? В экономической теории распространение получило понятие «механизм», имеющее двойное толкование - как процесс и как ресурсы процесса [6].

Социальное поведение как «основной процесс» управления в ситуации сложной субоптимизации становится деятельностью, предполагающей некоторые лично значимые социальные результаты — социальное вознаграждение в широком смысле этого слова. Этим вознаграждением может быть любое «благо»: знание, информация, комфорт, уважение, слава, доброжелательное отношение, власть, деньги, престиж, жизненные шансы и т.п., но обязательно социальное по своему источнику, которым распоряжается общество. В этом смысле поведение, направленное к социальному и экономическому реальному результату, и социальное управление ситуацией на уровне различных статусных групп есть всегда социальное отношение. Именно эта особенность социального и экономического взаимодействия дает основание рассматривать его как «основной

процесс управления” на уровне субоптимизации, понимаемый как процесс сложного социального, экономического и институционального обмена [1; 64].

В качестве еще одной модели операционализации экономического механизма в привязке к экономической региональной социологии как науки о взаимосвязях экономической и неэкономической сфер общественной жизни, взятых в «региональной проекции», может быть рассмотрена схема, составленная Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной на основе идей Н. Смелзера [7]. Н. Смелзер разделил всю общественную жизнь на две сферы: экономическую и неэкономическую (к последней он отнес политику, культуру, этнические общности и родство, стратификацию), и далее — ввел понятие “социологические переменные”, подразделяя их на две группы: действующие в сфере экономики и в неэкономических сферах. В проекции на территориальную (региональную или мезоуровневую) структуру речь идет о социально-территориальной структуре субъекта экономической жизни. Изучение социального воспроизводства [8; 129] и социального механизма развития экономики — гораздо более сложная задача, чем анализ определяющих такое развитие конкретных факторов или разных аспектов структурирования одного и того же “человеческого материала”. Например, важно ответить на вопрос: как именно проявляют себя действующие в экономике общности, группы, роли, статусы, организации, формы власти, рынки (труда, услуг), коллективные действия, ценности, мотивы в том или ином регионе, городе или поселении [9; 164]. В центре внимания должно находиться также влияние социальных регуляторов на экономическое развитие [10; 49]. В данном контексте мы переходим к предмету и методу экономической социологии. К предмету экономической социологии Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина посчитали нужным отнести закономерности взаимодействия экономической и социальной сфер общества, экономических и социальных процессов (а не просто как «экономическая жизнь общества») [11; 4]. Недоиспользование социальных резервов развития советской экономики было связано именно с тем, что человеческий фактор в экономике почти не учитывался. Надо сказать, что и в настоящее время человеческий фактор в экономике стал снижаться. Целый ряд ключевых вопросов относительно связи социальной структуры и экономики поставила Р.В. Рывкина, а именно: из каких классов, групп и слоев реально состоит современное общество, какова их при этом субординация; каковы критерии социальной дифференциации, какова динамика социальной структуры и механизмы ее воспроизводства [12; 5-6].

Основой эмпирических данных является мониторинг, проводимый в Тюменской области на протяжении последних 8 лет. Объем и структура выборок представлена в табл. 1. Все выборки являются четырехступенчатыми (территория, половозрастная структура, образование) и репрезентируют население трех субрегионов: юга Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО-Югра) и Ямало-Ненецкого округа (ЯНАО) по половозрастной и образовательной структуре сельского/городского населения с учетом места проживания с ошибкой не выше 3% [13]. Исследования методологически основываются на инструментарии «Социокультурный портрет региона», разработанном в Институте философии РАН (ИФРАН) под руководством чл.-корр. РАН, проф. Н.И. Лапина [14], что позволяет сопоставлять результаты настоящего исследования с результатами общероссийского исследования, а также с данными обще-

российского мониторинга, проводимого ЦИСИ ИФРАН, начиная с 1990 года, через каждые четыре года [15]. В инструментарии содержатся как общие вопросы для всех регионов, так и вопросы, ориентированные на специфику данного исследования [16].

Таблица 1

Объемы выборок, 2006, 2009, 2011, 2013 гг., Тюменская область*

Регион	2006 г.		2009 г.*		2011 г.		2013	
	п	%	п	% (% взвешенные)	п	%	п	%
Юг ТО	1715	42,9	1560	34,6 (39)	1271	41,9	1271	41,6
ХМАО	1285	32,1	1800	39,9 (45)	1301	40,7	1301	42,6
ЯНАО	1000	25	1150	25,5 (16)	482	17,4	482	15,8
Всего	4000	100	4510	100	5567	100	3054	100

Для того чтобы оценить мнение населения по поводу социальной стратификации общества, были заданы вопросы: «А теперь давайте уточним, к каким социальным слоям Вы относите себя: в своем городе (селе), в регионе и масштабе всей страны?». Эти вопросы позволяют выделить самооценку социальных слоев на уровне региона. Наиболее значительно выросла доля тех, кто затруднился с самоопределением (11, 16, 26, 25 % соответственно в 2006, 2009, 2011 и 2013 годах), см. рис. 1. Ситуация 2006 и 2013 годов с точки зрения оценки материального положения удивительно похожа (табл. 2, 3). Фактически люди, ожидая общего ухудшения жизни в период кризиса, немного повышали свое самоотнесение в социальной статификационной системе. В настоящее время, когда власти на всех уровнях победно отрапортовали о преодолении кризиса 2009-2011 гг. в России, население приблизилось в своих оценках к докризисному уровню, но ситуация оценивается населением крайне неопределенно.

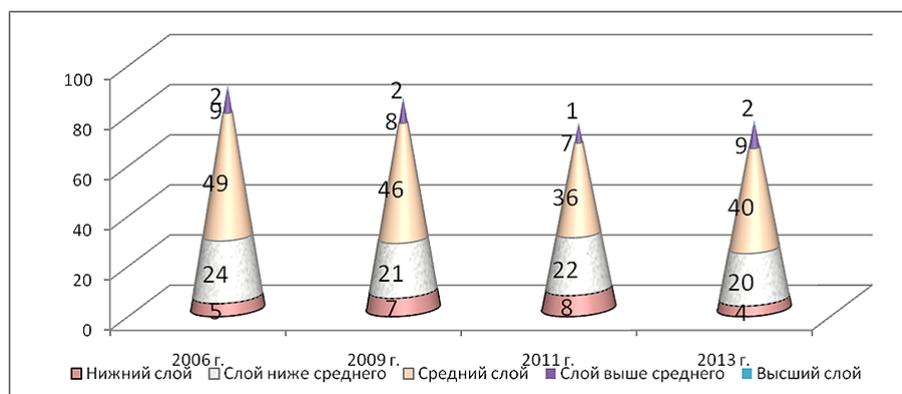

Рис. 1. Динамика самоидентификации респондентами своего социального положения в масштабе региона. Тюменская область в среднем % от числа опрошенных

* Проводилось взвешивание в разрезе субрегионов для приведения данных к сопоставимому виду, репрезентирующему население Тюменской области, включающей ХМАО, ЯНАО, юг Тюменской области на дату опроса.

Более подробный анализ позволяет отметить, что гендерных различий практически нет, молодые люди до 34 лет относят себя к среднему слою чаще, чем другие возрастные когорты. Сужение нижних социальных слоев происходит в основном за счет тех, кто уклонился от ответа на данный вопрос. Чаще других отказываются от самоидентификации люди моложе 25 лет или старше 65 лет, не имеющие образования, жители средних городов, мигранты и вынужденные переселенцы.

Социально-материальная самоидентификация населения по слоям (нищие, бедные, необеспеченные, обеспеченные и зажиточные) определялась следующим образом: «денег не хватает на повседневные затраты» — это «нищие»; «на повседневные затраты уходит вся зарплата» — «бедные»; «на повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна» — «необеспеченные»; «денег в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов надо брать в долг» — «обеспеченные»; «почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры» — «зжиточные»; «практически ни в чем себе не отказываем» — «богатые», табл. 2, 3.

Таблица 2

Социально-материальные слои в Тюменской области и России

Социально-материальные слои	Тюменская область				Россия в целом	
	2006	2009	2011	2013	2006	2010
«Нищие»	9	12	15	8	11	13
«Бедные»	13	14	18	13	22	19
«Необеспеченные»	16	19	18	15	21	21
«Обеспеченные»	31	30	25	31	29	31
«Зажиточные»	25	20	19	26	9	11
«Богатые»	5	4	4	5	2	3
Не знаю, отказ от ответа	1	1	1	2	6	3

Необходимо подчеркнуть, что число людей, относящих себя к «нищим» в когортах 16-55 лет, в России и в Тюменской области примерно сопоставимо, что вполне объяснимо, поскольку определенная доля «нищих» есть везде. Число людей, относящих себя к «зжиточным» в когортах 16-55 лет, в России и в Тюменской области становится уже несопоставимым: 9-11% по России и 19-26% по Тюменской области. Ведь Тюменская область, занимая 2-е после Москвы место по объему валового регионального продукта (ВРП), относится к регионам-донорам российского бюджета, и она лидирует по уровню ВРП на душу населения и инвестициям в основной капитал. В Тюменской области более активно, чем в среднем по России, расширяется слой богатых и зажиточных, слой обеспеченных совпадает по численности с общероссийскими данными, а слой необеспеченных и бедных значительно тоньше. Слой зажиточных и богатых людей в области в 3 раза шире, чем в среднем по России, что является отличительной особенностью региона [14; 614].

Таблица 3

Социально-материальные слои в разрезе субрегионов Тюменской области

Социально-материальные слои	Юг ТО				ХМАО				ЯНАО			
	2006	2009	2011	2013	2006	2009	2011	2013	2006	2009	2011	2013
"нищие"	9	11	17	9	11	15	17	8	7	9	12	7
"бедные"	12	17	18	14	14	13	18	13	14	10	14	12
"необеспеченные"	17	21	19	17	16	17	19	14	15	17	15	16
"обеспеченные"	34	32	25	33	28	28	25	30	29	31	29	27
"зажиточные"	23	16	17	21	26	20	17	29	27	27	24	30
"богатые"	4	2	4	4	5	6	4	6	6	6	5	7
Нет ответа	1	1	1	2	2	1	1	1	2	1	1	2
Всего	100	100	100	100	102	100	100	100	100	100	100	100

Наши данные, положенные на динамику всемирного финансово-экономического кризиса, дают нам уникальную возможность рассмотреть, как оценивают люди свое материальное положение, каким образом они соотносят это положение со своим социальным статусом (табл. 1, 2, 3). Первый год наблюдений (2006 г.), можно считать наиболее благополучным (предкризисным), далее весной 2009 г. кризис уже наступил, но люди еще не успели в полной мере осознать реальное ухудшение. Уже на этом этапе произошло небольшое расширение слоя «бедных» и «нищих» по самоидентификации. При этом те, кто считают себя «нижним слоем в регионе — почти в 2 раза меньше (5% и 6% в 2006 и 2009 годах соответственно). Люди ожидают общего снижения уровня жизни, поэтому ухудшение своего материального положения они связывают с общей динамикой. Далее, в 2011 г., существенно расширяются нижние «социально-имущественные» слои. Что удивительно, это происходит на фоне снижения доли тех, кто считает себя «нижним слоем в регионе» — до 1% в 2011 году. И только 2013 г. показал практически полный возврат к предкризисному состоянию по социально-имущественной стратификации, но существенно худшее самоопределение по социальной структуре. Таким образом, к 2013 г., когда все уровни власти победно отрапортовали о преодолении последствий кризиса, мы имеем наибольшую долю тех, кто отказался от самоопределения своего статуса (28%) и тех, кто относит себя к «нижнему» слою (10%). Это фактически отражает сбой в экономических механизмах формирования и воспроизводства социальной структуры региона.

За весь период наблюдений снизились различия между тремя субрегионами области в отношении неравенства доходов населения. Неравенство внутри субрегионов закрепляется, в то время как межрегиональные различия сглаживаются. Анализ динамики абсолютных и относительных доходов населения показал тенденцию дальнейшего снижения относительных показателей уровня жизни на юге области (без Тюмени) и рост этих показателей в Югре. Ямал характеризуется огромными разрывами по уровню доходов между городами и районами на уровне поселений.

При этом рост доли тех, кто относит себя к «нижним» слоям в регионе и не определившихся с ответом фактически дает основание прогнозировать рост протестных настроений в случае дальнейшего снижения их уровня жизни. Поскольку люди уже не верят в то, что им говорят власти, не видят реального повышения своего уровня жизни, даже несмотря на то, что фактические оценки (самооценка социально-материального положения) имеют положительную динамику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1991.
2. Ясин Е.Г., Акиндинова Н.В., Якобсон Л.И., Яковлев А.А. Состоится ли новая модель экономического роста в России? Докл. к XIV Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества Москва, 2-5 апреля 2013 г. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИД Высшей школы экономики, 2013. С. 8.
3. Райзберг Б., Лозовский Л., Стародубцева Е. Хозяйственный механизм // Современный экономический словарь. 2-е изд. Москва: ИНФРА-М. 1999.
4. Абалкин Л.И. Избранные труды. В 4-х тт. Т. 2. На пути к реформе. Хозяйственный механизм развитого социалистического общества. Новый тип экономического мышления. Перестройка: пути и проблемы. М.: Экономика. 2000.
5. Измалков С.Б., Сонин К.И., Юдкевич М.М. Теория экономических механизмов (Нобелевская премия по экономике 2007) // Вопросы экономики. 2008. №1.
6. См. более подробно: Гиг Дж., ван. Прикладная общая теория систем: Пер. с англ. М.: Мир, 1981; Оптнер С. Л. Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем. Пер. с англ. С. П. Никанорова. М.: Советское радио, 1969 (2008, 2-е изд.).
7. Смелзер Н. Социология экономической жизни. М.: Мир, 1965.
8. Федоренко Н.П. Оптимизация экономики. М.: Наука, 1977.
9. Рязанцев И.П. Социология региона. М., 2009.
10. Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука. СО РАН. 1999.
11. Заславская Т.И. Экономика сквозь призму социологии // ЭКО. 1985. № 7.
12. Рывкина Р.В. Образ жизни сельского населения: (Методология, методика и результаты изучения социально-экономических аспектов жизнедеятельности). Новосибирск: Наука. СО РАН, 1979.
13. Демографический ежегодник: Стат. сб. в 4-х ч. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2013. Ч. 2. С. 152. Ч. 3. С. 136. Ч. 4. С. 130.
14. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010) / Под ред. Лапина Н.И., Беляевой Л.А.; Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2010.
15. Лапин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Мир России. 2003. №4; Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России. Десять лет постсоветского развития. М.: Academia, 2001.
16. Социологический портрет Тюменского региона / Лапин Н.И., Беляева Л.А., Давыденко В.А., Мельник В.В., Ромашкина Г.Ф., Корепанов Г.С. Тюмень: Тюменская областная Дума. 2007.
17. Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф. и др. Тюменский регион: Югра, Ямал, юг Тюменской области // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Институт философии. Центр изучения социокультурных изменений. Научно-координационный совет секции ФСПП ООИ РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» / составление и общая редакция: Н.И.Лапин, Л.А.Беляева. М.: Academia, 2009. С. 569-648.

REFERENCES

1. Zaslavskaja, T.I., Ryvkina, R.V. *Sociologija jekonomicheskoj zhizni: Oчерki teorii* [Sociology of Economic Life: Essays on the theory]. Novosibirsk: Nauka, 1991. (in Russian).
2. Jasin, E.G., Akindinova, N.V., Jakobson, L.I., Jakovlev, A.A. Will there be a new model of economic growth in Russia? [Sostoitsja li novaja model' jekonomicheskogo rosta v Rossii?]. *Dokl. k XIV Apr. mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitija jekonomiki i obshhestva* (A report for XIV April Int. Scientific Conf. on the development of economy and society. Moscow, April 2-5 2013). M., 2013. P. 8. (in Russian).
3. Rajzberg, B., Lozovskij, L., Starodubceva, E. Economic mechanism. *Sovremennyy jekonomicheskij slovar' — Modern Dictionary of Economics*. 2nd edition. M., 1999. (in Russian).
4. Abalkin, L.I. *Izbrannye trudy. V 4-h tt T. 2. Na puti k reforme. Hozjajstvennyj mehanizm razvitogo socialisticheskogo obshhestva. Novyj tip jekonomicheskogo myshlenija. Perestrojka: puti i problemy* [Selected Works. In 4 volumes. V. II. On the road to a reform. The economic mechanism of a developed socialist society. A new type of economic thinking. Restructuring: the ways and problems]. M., 2000. (in Russian).
5. Izmalkov, S.B., Sonin, K.I., Judkevich, M.M. The theory of economic mechanisms (the Nobel Prize in Economics 2007). *Voprosy jekonomiki — Problems of Economics*. 2008. № 1. (in Russian).
6. See more: Gig, J. van. *Prikladnaja obshhaja teorija sistem* [Applied general systems theory]. Translated from English. M.: Mir, 1981; Optner, S.L. *Sistemnyj analiz dlja reshenija delovyh i promyshlennyh problem* [System analysis for the solutions of business and industry issues]. Translated from English by S.P. Nikanorova. M.: Sovetskoe radio, 1969 (2008 — 2nd edition). (in Russian).
7. Smelzer, N. *Sociologija jekonomicheskoj zhizni* [Sociology of economic life]. M.: Mir, 1965. (in Russian).
8. Fedorenko, N.P. *Optimizacija jekonomiki* [Optimization of the economy]. M.: Nauka, 1977. (in Russian).
9. Rjazancev, I.P. *Sociologija regiona* [Sociology of the region]. M., 2009. (in Russian).
10. *Social'naja traektorija reformiruemoj Rossii: Issledovanija Novosibirskoj jekonomiko-sociologicheskoi shkoly* [The social direction of the reformed Russia: Research of Novosibirsk School of Economic Sociology] / Edited by T.I. Zaslavskaja, Z.I. Kalugina. Novosibirsk: Nauka, 1999. (in Russian).
11. Zaslavskaja, T.I. The economy through the prism of Sociology. *EKO — ECO*. 1985. № 7. (in Russian).
12. Ryvkina, R.V. *Obraz zhizni sel'skogo naselenija: (Metodologija, metodika i rezul'taty izucheniya social'no-jekonomicheskikh aspektov zhiznedejatel'nosti)* [The way of life of the rural population (methodology, methods and results of the study of the socio-economic aspects of life)]. Novosibirsk: Nauka, 1979. (in Russian).
13. *Demograficheskij ezhegodnik: Stat. sb. v 4-h chastjah* [Demographic annual book: a collection of articles in 4 parts] / Territorial body of the Federal State Statistics Service of Tyumen region. Tyumen, 2013. Part 2, P. 152. Part 3, P. 136. Part 4, P. 130. (in Russian).
14. Lapin, N.I., Beljaeva, L.A. *Programma i tipovoj instrumentarij «Sociokul'turnyj portret regiona Rossii» (Modifikacija 2010)* [The program and typical tools «Russian Socio-cultural portrait of the region» (Modification 2010)] / Edited by Lapin, N.I., Beljaeva, L.A. M., 2010. (in Russian).
15. Lapin, N.I. How the citizens of Russia feel and what they aspire to. *Mir Rossii — The world of Russia*. 2003. № 4. Beljaeva, L.A. *Social'naja stratifikacija i srednij klass v Rossii. Desjat' let postsovetskogo razvitija* [Social stratification and the middle class in Russia. Ten years of post-Soviet development]. M., 2001. (in Russian).
16. Lapin, N.I., Beljaeva, L.A., Davydenko, V.A., Mel'nik, V.V., Romashkina, G.F., Korepanov, G.S. *Sociologicheskij portret Tjumenskogo regiona* [Sociological portrait of Tyumen region]. Tyumen, 2007. (in Russian).

17. Davydenko, V.A., Romashkina, G.F. et al. Tyumen region: Yugra, Yamal, south of Tyumen region. *Regiony v Rossii: sociokul'turnye portrety regionov v obshherossijskom kontekste — Regions in Russia: social and cultural portraits of regions in Russia's national context.* / Institute of Philosophy. Center for the Study of socio-cultural changes. Research Coordination Council of Russian Academy of Sciences Section FSPP UN «Problems of social and cultural evolution of Russia and its regions» / compiled and edit. by N.I. Lapin, L.A. Beljaeva. М., 2009. Pp. 569-648. (in Russian).